

Печально тайной угнетень:
О юной дѣвѣ мыслить онъ...
И кто жъ коня ему подводить?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка;
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ.
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина.
Какъ камень, оглаженный потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шапки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.»

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
Ступать посильнѣе ногой:
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша шированья
Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь—
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь!»

XXXIV.

«Пріютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воинъ.
И что имъ взять?—пять-шесть коней,
Да наши грубые одежды?
Повѣрь ты скромности моей,
Откройся мнѣ, куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать?—Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ,
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя—не знаю.»

Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны—
По мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любить насъ, гдѣ вѣрять намъ.»

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній холодъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часть одинъ,
Послушай, часть одинъ, не болѣ.
Пробудь, жестокий, близъ меня;
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напѣется, ляжетъ;
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку сложи:
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогону вѣдь часъ разлуки?»
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Узы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ вѣхатъ онъ приготовляясь,
Но обернулся—испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

«Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много.
Ихъ мнѣ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою вѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано.
И не простого человека
[Хотя въ одеждѣ я простой],
Утѣшился, Зара, предъ собой
Ты видишь брата-Рослабѣка.
Я въ жертву счастье долженъ принести.
О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!»

XXXVII.

Сказавъ, махнулъ рукой, и звукъ под-
Раздался, въ отдаленіи умирая. [Ковъ
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ
Она стоитъ, безчувственно внимая, [Словъ
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея увесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила—гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!